

Токари вместо креаклов: кто будет востребован в новой экономике России :: РБК Pro

 pro.rbc.ru/demo/65ca3ae19a79470fa63a524f

Прогнозы насчет «дизайнеров впечатлений» и прочих «профессий будущего» в России так и остались фантазиями, считают экономисты. Востребованы в ближайшие годы будут совершенно другие специальности

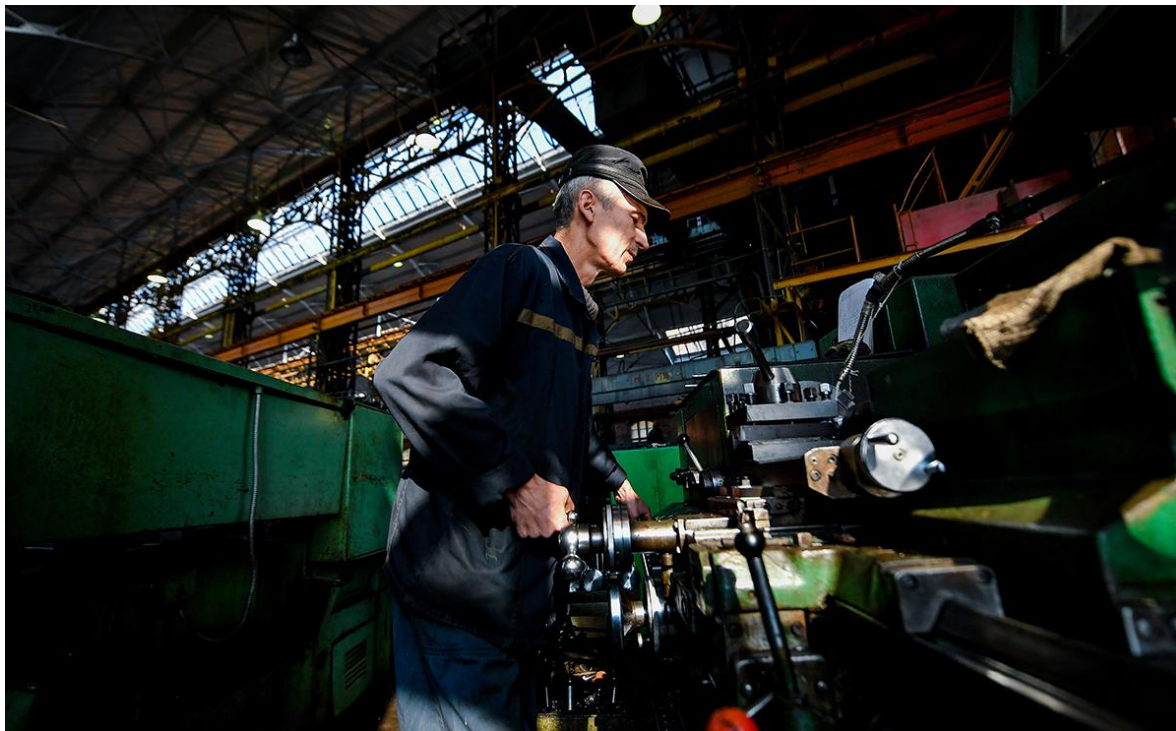

Фото: Юрий Смитюк / ТАСС

В России наступает золотой век работника, уверены эксперты из Института Гайдара и Высшей школы экономики. Во многих сферах уже сейчас не хватает специалистов, и получить их завозом мигрантов не получится. Значит, компаниям придется повышать зарплаты и развивать другие формы мотивации — предлагать бесплатное обучение, гибкий график, дополнительные выходные, борясь за самых продуктивных сотрудников. Демографическая яма быстро сокращает число молодежи в офисах, и работодатели будут вынуждены отказаться от предубеждения перед пожилыми, а также быстрее внедрять автоматизацию.

Однако борьба за персонал коснется далеко не всех сфер. Число вакансий для маркетологов, рекламщиков, пиарщиков и юристов уже начало сокращаться. В ближайшие годы выгоднее быть токарем, чем тиктокером, уверены опрошенные РБК Pro эксперты. «Торговцы воздухом» остаются в прошлом, зато есть целый ряд других специальностей, спрос на которые быстро растет.

Три пути развития

У российской экономики несколько путей развития в зависимости от того, как долго будет продолжаться военная операция. Первый — конфликт затянется на долгие годы, а западные санкции со страны не снимут. Это наименее вероятный сценарий, судя по настроениям, царящим и в обществе западных стран, и даже среди политиков ЕС и США, считает директор по научной работе Института Гайдара Сергей Дробышевский. «Очевидно, что поддержку Украине до последнего оказывать не готовы, а в этой ситуации маловероятно, что СВО не закончится в обозримые сроки», — поясняет он. Но даже если этот вариант реализуется, то конфликт вряд ли перейдет в более интенсивную стадию, считает Дробышевский.

В таком случае дальнейшей милитаризации экономики не потребуется: хотя предприятия военно-промышленного комплекса сейчас финансируются в приоритетном порядке, их доля в экономике останется примерно такой же. Развиваться будут отрасли, ориентированные на внутренний рынок и хотя бы количественно замещающие импортные товары: обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, прогнозирует Дробышевский. «Традиционно ориентированные на экспорт секторы, например газовая и нефтяная промышленность, уголь, добыча руды, стагнируют, потому что в этом сценарии Россия вряд ли серьезно расширит присутствие даже на сырьевых рынках дружественных стран», — полагает эксперт. Если экономика станет закрытой, значит, стране придется жить с учетом затруднений с импортом, констатирует профессор кафедры экономической социологии Высшей школы экономики Светлана Барсукова. «В целом в России и раньше было много работы: если человек жаловался, что не может найти себе рабочее место, это значило, что он не может найти место, соответствующее его ожиданиям. Похоже, при данном сценарии работы станет еще больше», — прогнозирует она.

Бунт «снежинок». Почему миллениалы похоронили мечты о достойной жизни

Статьи РБК

Если военная операция в ближайшее время не закончится и санкции не снимут, будут востребованы три типа работников, прогнозирует Григорий Финкельштейн, партнер, руководитель направления «HR-консалтинг» кадрового консалтера «Экопси». «Это низкоквалифицированные сотрудники — курьеры и так далее: пока идет СВО, у них есть реальная альтернатива идти на фронт и получать там выплаты, поэтому работодателю надо привлекать их зарплатами. Вторая группа — высококвалифицированные рабочие производств. Третья — инженеры, потому что с их помощью нужно выполнять гособоронзаказ».

Сценарий быстрого завершения конфликта и сохранения санкций тоже несет для экономики внутренние риски, считает Дробышевский. «Возникнет проблема, как вывести ее из состояния увеличенного оборонного заказа, — поясняет он. — Это особенно относится к машиностроению и обрабатывающей промышленности, которые получили сильный импульс за счет госзаказов на производство вооружения». Нынешний рост оборонной промышленности обусловлен

возросшими госрасходами, равно как и благосостояние работников этой промышленности и субподрядных организаций, отмечает старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ Василий Аникин. «Благосостояние работников, имеющих отношение к этим сферам, будет зависеть от того, как долго государство будет сохранять планку высоких расходов в этой сфере», — предупреждает он.

Быстрого спада госзаказов не произойдет, потому что перевооружение российской армии останется актуальной задачей, поясняет Дробышевский. Но отрицательный эффект для ВПК наступит хотя бы из-за снижения скорости выдачи новой продукции. «Вопрос — как пройти этап, когда придется сохранять положительный импульс для экономики в целом, но сократить многие расходы на оборону», — констатирует эксперт. Многие предприятия, не ориентированные на ВПК, все равно получали от него часть заказов и закупали под них сырье, оборудование, нанимали рабочих, поясняет он. «Этот этап может оказаться болезненным», — полагает эксперт.

Дробышевский приводит пример: после Второй мировой войны в США, на чьей территории не велось военных действий, но бурно развивался ВПК, наблюдался потребительский рост. Население было готово отказаться от части сбережений, чтобы улучшить уровень жизни. Это помогло преодолеть отрицательный эффект от сокращения спроса на продукцию оборонной промышленности. «Насколько это получится у нас, особенно при сохранении санкций, — большой вопрос, — рассуждает Дробышевский. — Обрабатывающей промышленности придется наращивать производство для импортозамещения. Но сомневаюсь, что россияне захотят покупать больше отечественных товаров, чем это требуется для минимального повседневного потребления, зная, что их качество отличается от лучших зарубежных аналогов».

Если спецоперация в ближайшее время закончится и санкции снимут, то это будет лучше всего для роста экономики, считает Дробышевский. «Снятие санкций — это необязательно возвращение к предыдущей модели, когда мы рассчитывали только на развитые рынки: США, Европу. Это еще и возможность расширять свое присутствие на новых рынках Азии, Африки и Латинской Америки», — объясняет он. Российское сырье станут активно поставлять на мировой рынок, но география поставок изменится. «На внутреннем рынке будут развиваться отрасли, связанные с импортозамещением: машиностроение, пищевая и обрабатывающая промышленность, не ограниченные санкциями на импорт комплектующих или технологического оборудования», — прогнозирует эксперт.

Фото: Александр Демьянчук / ТАСС

Из-за развития инфраструктурных проектов станет развиваться и строительная отрасль. Если на российский рынок вернуться известные иностранные бренды, такие как Zara и Volkswagen, то это вряд ли станет серьезной угрозой для российских брендов и зарубежных марок, пришедших в Россию после начала операции. «Тут сыграет роль то, что часть населения стала нормально воспринимать отечественные и новые зарубежные бренды, и полностью вытеснить эти товары с рынка раскрученным конкурентам уже не удастся», — полагает Дробышевский.

Социальная смерть. В Гарварде назвали главную причину несчастья на работе
Статьи РБК

Золотой век работника

Общая проблема российской экономики вне зависимости от сценариев — огромный дефицит рабочей силы из-за демографической ямы начала 1990-х годов, констатирует Дробышевский. «Трехпроцентная безработица экономически активного населения — ненормальная ситуация, — поясняет он. — При такой низкой безработице у экономики очень ограничены возможности для структурного маневра или прорывного развития отраслей, потому что новым отраслям неоткуда

взять человеческие ресурсы: придется отнимать их у других сфер». Успешная экономика строится на очень жесткой конкуренции на рынке труда, соглашается с этим мнением Барсукова: конкуренция — это отбор лучших.

В любом сценарии российским предприятиям придется повышать производительность труда, иначе экономика не будет расти вообще, говорит Дробышевский: «Нужно замещать человеческий труд роботами, пусть даже не очень передовыми». Автоматизация позволит создавать новые рабочие места и уничтожать старые: таким образом одни сотрудники будут повышать квалификацию, другие — вообще уходить с рынка труда и обучаться новой профессии, отмечает Аникин. «Это позволит преодолеть дефицит кадров за счет структурных изменений», — уверен он. Пока человеческий труд стоил дешево, автоматизацией никто не занимался, обращает внимание Финкельштейн. «Сейчас ситуация может измениться: когда стоимость услуг курьера дойдет до 200 тыс. руб., робот-доставщик, раньше казавшийся дорогим гаджетом, может оказаться дешевле», — поясняет он.

Соответственно, в средней и долгосрочной перспективе лучшее решение — быть квалифицированным сотрудником с релевантным опытом работы, считает руководитель департамента аналитики сервиса по поиску работы «Зарплата.ру» Юрий Михеев. В ближайшем будущем в России будет востребована работа в отраслях, связанных с автоматизацией, например той же IT. При любом сценарии понадобятся квалифицированные технические специалисты: будь то Java-разработчики или слесари шестого разряда, утверждает Финкельштейн. «Самый быстрый способ добиться успеха — идти в технический вуз, параллельно устроившись рабочим на предприятие», — советует он.

Фото: Сергей Карпов / ТАСС

В такой ситуации некоторым работодателям придется пересмотреть отношение к зарплате. По данным онлайн-сервиса по поиску работы HeadHunter, почти половина российских работодателей (49%) назвала одной из трех главных внутренних причин дефицита кадров неконкурентные зарплаты; чуть меньшее количество считают таковыми недостаточно развитый бренд работодателя (35%) и непривлекательные условия труда (30%). «Сейчас есть предприятия, которые, несмотря на дефицит кадров, не готовы улучшать условия и повышать зарплаты своим сотрудникам, считая, что те и так должны быть благодарны, — говорит Аникин. — Это старая модель мышления, и рано или поздно такие работодатели будут уходить с рынка».

Но компаниям надо думать не только о деньгах. Есть и другие пути привлечь людей: обучение за счет компании, дополнительные выходные, гибкий график, бонусы для детей сотрудников, например путевки в санатории, перечисляет директор по продажам и маркетингу стаффинговой группы Ансог Наталья Щербакова. Правильная HR-стратегия позволяет удерживать кадры с помощью правильного подхода к разным людям. «Работникам постарше важна хорошая медицинская страховка, — приводит она примеры. — Молодежь же часто смотрит на другие предпочтения, вроде компенсации фитнеса».

Для трудовых ресурсов сейчас наступило время огромных возможностей, считает Светлана Барсукова. «Из-за огромного оттока трудоспособных людей и на фронт, и в эмиграцию на оставшихся работников будет расти спрос», — объясняет она. Но ситуация очень различается между сегментами рынка труда, обращает внимание Дробышевский. «Что касается инженеров или рабочих, то к ним давно уже нет ни гендерной, ни возрастной предвзятости. Организации готовы обучать таких специалистов, потому что для компаний это вопрос выживания», — аргументирует он. 89% российских компаний готовы нанимать специалистов с недостающим опытом, свидетельствуют данные совместного опроса сервисов «Работа.ру» и «СберПодбор», проведенного среди 400 организаций из разных регионов.

Чаще всего в обучение сотрудников с небольшим опытом готовы инвестировать компании производственного и агропромышленного комплекса (83%), медицинские организации (76%) и IT (75%). «Зато в креативной отрасли может быть избыток работников», — констатирует Дробышевский. Это подтверждают и данные «Авито Работы»: самыми высококонкурентными областями для трудоустройства в декабре 2023 года стали искусство и развлечения, маркетинг, реклама и PR и юриспруденция. «Фантазии насчет «дизайнеров впечатлений» и прочих странных профессий будущего держались на представлениях о бесконечном экономическом росте, — иронизирует Барсукова. — Оказалось, что страна рискует остаться без самолетов, если все будут заняты дизайном впечатлений. Патока 2000-х годов, когда казалось, что дальше будет еще больше возможностей получать деньги за то, что пинаешь воздух и создаешь хайп на пустом месте, заканчивается. Этим может побаловаться только очень богатое общество».

Странное будущее

Самые большие перспективы в сложившейся ситуации — у молодежи, считают опрошенные РБК Pro эксперты. У поколения зумеров сейчас огромные возможности сделать карьеру, говорит Щербакова. Корпорации очень заинтересованы в молодых перспективных кадрах и прикладывают много усилий, начиная взаимодействие с подростками еще со школы, отмечает эксперт. Это подтверждают и данные HeadHunter: в 2023 году на сервисе было открыто больше 40 тыс. вакансий, доступных для кандидатов от 14 лет, причем чаще всего школьников готовы брать на работу продавцами, кассирами, курьерами и промоутерами.

Фото: Артем Геодакян / ТАСС

Последние 10–15 лет растут зарплаты на стартовых позициях, что также подтверждает интерес бизнеса к выпускникам учебных заведений, отмечает Щербакова. «Но люди часто не готовы активно заниматься карьерой, — констатирует она. — Для молодежи широкие возможности для карьерного роста находятся лишь на девятом месте по значимости среди прочих факторов при выборе работодателя». У молодежи в большинстве своем нет тех проблем, с которыми сталкивались более старшие поколения, поясняет Щербакова. Она не боится голода и безработицы — родители этих молодых людей уже обеспечили им достойное существование.

В итоге они выросли совсем другими — эти люди не «достигаторы» и намного больше значения придают смыслу: в чем важность конкретно моей работы, какой социальной миссии следует мой работодатель, зачем мне идти работать именно в наем? «Проблема для работодателя заключается в том, что молодые люди не очень хотят работать по найму. Согласно нашему исследованию «Талантист», 37% молодых респондентов от 14 до 24 лет сказали, что хотели бы иметь собственное дело. Среди тех, кто рассматривал работу по найму, самым предпочтительным местом была бы организация численностью до 100 человек. Такой выбор понятен, ведь в небольшой организации роль отдельных сотрудников значительно заметнее и понятен вклад каждого члена команды в общий результат», — констатирует Щербакова.

Однако оптимизм зумеров, особенно тех, кому до 25 лет, превышает уровень возможностей, которые им может предложить сейчас российская экономика, осторожен Аникин. «Первые санкции, наложенные после возникновения конфликта на Донбассе, сильно ограничили скорость технологической реиндустриализации России, — поясняет он. — Возможности будут открыты не для широких масс, как было в середине 2000-х, а лишь для отдельных групп населения. Ключевые массовые группы — это потомственные профессионалы умственного труда, которые выросли в традициях инвестирования в человеческий капитал, и рабочая аристократия, способная подстроиться к новым технологическим требованиям. Это семьи, где у родителей есть либо высшее образование и опыт профессионализации, либо наличие бизнеса. То есть детям будет мало получить хорошее образование — потребуются еще сформировать установки на профессионализацию и в целом определенное поведение в профессии. Это будет залогом успеха».

Впрочем, время возможностей настало не только для молодежи. «Демографическую яму не преодолеть в среднесрочной и тем более в краткосрочной перспективе, — указывает Михеев. — Работодателям важно пересмотреть свои позиции относительно кандидатов старше 40 и 50 лет. Эйджизм сейчас явно контрпродуктивен. Кандидаты старше 50 до сих пор сталкиваются со сложностями в поисках работы. А если посмотреть статистику рождаемости, то очевидно, что кандидатов до 30 лет в ближайшие годы больше не станет». Частичная занятость, гибкий рабочий день или вахтовые формы работы — это уже данность, число таких вакансий за последние два года удвоилось. Компаниям придется бороться за сотрудника, и стереотипы тут — плохое оружие.